

УДК 316.61

К. Э. Бурнашев, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ЧЕЛОВЕКА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В представленной работе осуществляется попытка проанализировать наиболее общие стандарты человека и дать им характеристику. Автор доказывает, что формирование социальных стандартов происходило на протяжении длительного периода истории. Основное внимание уделено проблеме стандартов человека в современном обществе, особенностям их формирования и взаимодействия. Немаловажное место в статье занимает вопрос о формировании стандартов возможного человека, что особенно актуально в условиях глобальных трансформаций.

The present work is an attempt to analyze the most common standards of human rights and to give them a description. The author argues that the formation of social standards going on for a long period of history. Attention is focused on standards in modern society, especially their formation and interaction. The important part of the article is the question of the formation of standards possible person that is particularly relevant in the context of global transformations.

Введение. Принято считать, и весьма справедливо, что человек существо уникальное и неповторимое. Это утверждение во многом неоспоримый факт, простейшим доказательством которого служит невозможность найти двух абсолютно одинаковых индивидов. У каждого человека свой жизненный путь, своя биография. В свете подобных утверждений любые разговоры о стандартах человека выглядят весьма сомнительными и даже противоестественными. «Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста», – писал Ж. П. Сартр [1, с. 322]. Мох, плесень, равно как и цветная капуста, могут быть стандартными. Может ли быть стандартным человек? История отвечает на этот вопрос утвердительно.

Двадцатый век как никакой другой полон попыток стандартизировать человека, загнать его в жесткие рамки определенных образцов, эталонов. Достаточно вспомнить практику стандартизации в тоталитарных режимах Советской России и гитлеровской Германии, формирование стандартов человека в потребительском обществе и др.

Учитывая специфику социально-философского взгляда на исследуемую проблему, отметим, что нами будут рассматриваться только наиболее общие стандарты человека, которые во многом определяют все остальные стандарты, находящиеся в фокусе внимания частных наук, например, психологии, социологии, культурологии и др.

Основная часть. Проблема стандартов человека не получила глубокой проработки в научной традиции, была далека от мейнстрима социально-философской мысли. Это связано с тем, что интерес исследователей, как правило, находился в противоположной области. Куда интереснее изучать человека как существо не-

стандартное, творчески активное, бытийствующее, свободное. Обратная сторона не столь привлекательна, но не менее актуальна, особенно в условиях современной цивилизации, когда «проблема личности фактически сводится к проблеме подтягивания индивида к имеющимся уже образцам», а «проблема выбора связана теперь не столько с творческим усилием личности, сколько с расчетом необходимых шагов для продвижения по структурной решетке внешних стандартов» [2, с. 15].

Как известно, на начальных стадиях своего развития человек не отделял себя от коллектива, не чувствовал своей индивидуальности и личностного начала. Он принадлежал целому, был в синкретическом единстве с миром. Именно в этот период начинает формироваться один из первых стандартов человека, который условно можно назвать стандартом «осредненных» [3, с. 26], или усредненных. Данный стандарт «первоначально принимал значение вполне конкретных и осязаемых явлений. Например, стариков, тотемов (и вообще предков). Со временем контуры стандарта размывались и представлялись в виде семьи богов или единого бога. Культ личности в политике, идеологии, науке, кумиры в искусстве – везде мы находим следы действия этого стандарта» [3, с. 26–27]. Его императив: «Стремись быть таким как все, следуй традиции, прислушивайся к авторитету, уважай старших и т. п.». Человек здесь растворяется в рамках тотальности и мыслится только как часть некоего монолитного целого.

Важнейшую роль в процессе стандартизации в этот исторический период играли табу. «Они мотивировали индивидуальные поступки, но действовали как несгибаемая социальная форма. Запреты в качестве форм социального взаимодействия служили своего рода средством отбора санкционированных обществом

действий, связей, обеспечивающих сохранение социальности, накопление и трансляцию человеческого опыта» [4, с. 433–439].

Следовать стандарту было вполне естественным и единственно возможным способом бытия древнего человека.

Стандарт «усредненных» все еще обладает значительной привлекательностью. По всей видимости, здесь действует механизм «бегства от свободы» описанный видным представителем неофрейдизма Эрихом Фроммом.

Как показал Фромм, бегство может осуществляться различными способами. Во-первых, это авторитаризм. Его главенствующей установкой является «практически полный отказ от независимости своей личности, отождествление своего Я с чем-нибудь или кем-нибудь внешним по отношению к себе» [5, с. 181]. Подобный отказ от «Я» в пользу «Мы» наиболее ярко можно продемонстрировать на примере тоталитарных режимов, которыми была богата история XX века.

Во-вторых, это разрушительность по отношению к миру. К чужакам, любому проявлению инакости «усредненные» испытывают не просто неприязнь, а крайнюю агрессивность. Механизм проявления разрушительных тенденций «усредненных» по отношению к «иным» в яркой литературной форме описан в романе-антиутопии русского писателя Евгения Замятина «Мы» [6, с. 224].

В-третьих, это соглашательство и автоматика. «Этот механизм представляется большинству здоровых людей в современном обществе неким спасительным решением. Одним словом, индивидуум теряет самого себя; общепринятая мораль навязывает ему определенный тип личности, и он его с готовностью принимает, превращаясь при этом в “одного из” и становясь точно таким же, как и все остальные, и таким, каким они хотят его видеть... Как только человек отказывается от самого себя и превращается в робота, он перестает испытывать чувство тревоги и одиночества, подобно миллионам других таких же людей-машин. Цена такому изменению – утрата собственного “Я”» [5, с. 240].

«Усредненные» «роятся» вокруг авторитарных ценностей, находятся под влиянием авторитарной религии. «В повиновении могущественной власти состоит один из способов избавиться от чувства одиночества и собственной ограниченности. Этот акт подчинения лишает его независимости и цельности как индивида, но взамен он обретает чувство безопасности и защищенности благодаря тому, что он как бы становится частью внушающей страх и благоговение силы» [7, с. 37].

Фигура отдельного человека в стандарте «усредненных» не обладает самоценностью, важность имеет лишь целое, которому индивид totalmente подчинен.

В зависимости от исторической эпохи стандарт «усредненных» разнонаправлен. В архаические времена он развернут в прошлое. Здесь происходит опора на авторитет традиции и беспрекословное уважение к предкам как к носителям этих традиций. В Новейшее время мы наблюдаем его иную направленность. В тоталитарных системах организации социального пространства «усредненные» роятся вокруг абстрактных целей, которые находятся, как правило, в будущем. В качестве таких целей выступают «светлое будущее» или «жизнь после смерти». Подобные цели становятся символами «усредненных» индивидов и позволяют правящей элите управлять безликой массой своих рабов.

Символом стандарта «усредненных» можно считать идола в различных его формах. Идолопоклонство – удел не только древних архаических культур. Современными формами идолопоклонства являются например, культ личности, фанатство, культ денег, успеха, развлечения, техники и т. д.

Вслед за стандартом «усредненных», по всей видимости, возник стандарт «обладающих» [3, с. 30]. Его появление на исторической арене связано с возникновением института частной собственности. «Обладание – это отношение к человеку посредством какого-либо агента (вещи, золота, должности и т. п.)... «обладающими» не могут быть одновременно все. Должны существовать те, кем обладают. Чтобы возникли «обладающие», необходимы «усредненные», за которыми остаются права признавать собственника и быть собственностью» [3, с. 31].

На протяжении длительного периода европейской истории соответствовать стандарту «обладающих» могли лишь представители высших слоев общества. Остальные же оставались «усредненными».

Императив данного стандарта можно сформулировать так: «Я есть то, чем я обладаю». Масштаб человека в пространстве «обладающих» измеряется возможностями обладания, чем большим ты владеешь, тем более значим и занимаешь больше места. Причем речь не обязательно идет о вещном обладании. Это обладание титулами, чинами, наградами, регалиями, людьми наконец.

В XIX веке закладываются основания нового человеческого стандарта, типичным представителем которого является «массовый человек» или «человек-потребитель». Будем именовать данный стандарт «потребительским».

«Потребительский» стандарт обладает чертами «усредненных» и «обладающих». От первых он наследует установку: «Будь как все», а от вторых – безудержную экспансию собственной природы в сторону потребительства.

«Масса – это “средний человек”... В сущности, чтобы ощутить массу... не требуется людских скопищ. По одному – единственному человеку можно определить, масса это или нет» [8, с. 18–19].

Представителя потребительского стандарта «массового человека» испанский философ характеризует двумя основными чертами: «Беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы и – второе – врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат» [8, с. 57].

В качестве императива «потребительского» стандарта выступает установка: «Я есть то, чем я обладаю и что потребляю». Согласно этой формуле, чем большим человек обладает, тем больше размер его личности в социальном пространстве потребительского общества. Человек оценивается с точки зрения того, что он имеет.

«Одномерным» именовал представителя данного стандарта Герберт Маркузе. Социальное пространство индустриального общества всецело вытесняет из человека все личное, присваивая его целиком и полностью. «В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на всего индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но мимесис: непосредственную идентификацию индивида со своим обществом и через это последнее с обществом как целым» [9, с. 14].

В основании данного стандарта лежат отчужденные ценности, важнейшими из которых являются: деньги, власть, слава, престиж и т. п. «Посредником в мире вещей выступают деньги. В деньгах выражается отчужденная сущность человека. Деньги идеально выражают “Мы” обладающего человека, в них вся палитра красок принимает единый золотой оттенок» [3, с. 32]. Обладание деньгами или контроль над ними вселяет потребителю уверенность и силу в том, что у него есть гарантии. Деньги дают возможность поддерживать определенный уровень потребления, и чем их больше, тем выше

возможности потребителя. Свой денежный эквивалент имеет буквально все, в том числе и сам человек.

Несмотря на очевидную ценность денег в рамках потребительского стандарта, его представители часто стремятся к большему – власти. Деньги дают возможность потреблять вещи, а власть открывает доступ к обладанию людьми, возможность вершить чужие судьбы. Слава же претендует на нечто большее, на душу человека и возможность обладать ею.

Критикуя потребительство и жадность накопительства, Маркс подметил: «Чем ничтожнее твое бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое имущество, тем больше твоя отчужденная жизнь» [10, с. 131].

В отличие от стандарта «усредненных», который ориентирован по преимуществу на прошлое, «потребители» живут настоящим и мечтают о будущем, в котором они смогут обладать большим, возможно, добьются власти или будут купаться в лучах славы. Символом потребительского стандарта является «золотой телец».

Заключение. Человек далеко не всегда растворяется в целом или стремится к деньгам, власти и славе. Существует стандарт, ориентированный на иные ценности, нежели «усредненные», «обладающие» и «потребители». Представители данного стандарта – личности, а сам стандарт логично именовать «личностным». Императив данного стандарта: «Будь самим собой, найди свой путь к спасению, осуществи себя в мире».

Появление данного стандарта на сцене истории можно отнести к периоду «осевого времени», который видный представитель экзистенциализма Карл Ясперс датировал 800–200 гг. до н. э. «Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой. <...>

Это – подлинный человек... выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия... он вступает на путь, пройти который он должен в качестве... индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом,

пророком. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» [11, с. 32–39].

Представители личностного стандарта ориентированы на продуктивную, неотчужденную активность. «Личность предполагает прежде всего самосозидание, интеллигенцию... Она должна постоянно действенно выявляться...» [12, с. 74].

Личностный стандарт требует значительно напряжения человеческих сил, определенно-го противопоставления себя среде существования. В качестве такого символа, живого воплощения личностного стандарта выступают, на наш взгляд, Великие Учителя человечества – Христос, Будда, Мухаммед, великие античные мыслители и т. д.

Личностный стандарт опирается на общечеловеческие ценности, в нем преодолевается оппозиция «свой – чужие».

Наряду со стандартом «усредненных», «обладающих», «потребителей» и «личностей» выделим еще один стандарт, который будем именовать стандартом «профессионалов». Данный человеческий стандарт имеет давнюю историю и уходит своими корнями во времена появления индивидуального ремесла.

Соответствовать стандарту «профессионалов» непросто, это требует значительного усилия и напряжения человеческих сил, постоянной работы над собой. Перспективы развития данного стандарта очевидны. «В обществе ноосферного типа люди будут различаться по степени и области компетентности» [13, с. 59].

Литература

1. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.

2. Кемеров, В. Е. Историзм культуры / В. Е. Кемеров // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

3. Бекарев, А. М. Социально-исторические стандарты индивида / А. М. Бекарев // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

4. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.

5. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Минск: Харвест, 2003. – 383 с.

6. Замятин, Е. И. Мы: роман / Е. И. Замятин. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.

7. Фромм, Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть? / Э. Фромм. – Кемерово: Ника-Центр, 1998. – 400 с.

8. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: сб. / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 509 с.

9. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Г. Маркузе. – М., 1994. – 368 с.

10. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1981. – Т. 42. – 1974. – 514 с.

11. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – 528 с.

12. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 526 с.

13. Финогентов, В. Н. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений / В. Н. Финогентов // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. – Екатеринбург, 1994. – 152 с.

Поступила 20.03.2013